

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0066.01.01

Дарья Лёгкая

24 августа 2012

Таре #1

- Дарья Кузьминична, сна... я... я бы хотела Вам... Вас поблагодарить, что Вы с нами встретились.
- Спаси Вас Господи, что и я тоже, что могу – отвечу Вам, что знаю все. Конечно, я еще помню свои годы, все. Все помню.
- Сначала я хотела попросить, чтобы Вы представились. Как Вас зовут? Имя и фамилия?
- Меня зовут Дарья Кузьминична Лёгкая. Родилась я в двадцать девятом году... и третьего апреля. Родилась в Высоком Полку и проживала, ходила в школу здесь. И проживала, и до сих пор живу здесь, в Высоком Полку.
- Несколько недель назад приезжали мои коллеги и Вы делились своими воспоминаниями. Мы сейчас вернулись, чтобы записать Ваши воспоминания. Вот.
- Хорошо.
- Высокий Полк... а какой городок, такой побольше, который рядом?
- Это только у нас рядом, если городок, то Светлогорск. Тридцать километров. И Бобруйск.
- А Паричи?
- А Паричи – это у нас считается просто как, ну вот такой уже, поселок такой Паричский. У нас есть сельский совет в Паричах, все. И школа есть, и... ну все и председатель сельского Совета. Вот так.
- Скажите, пожалуйста, а в этих краях до войны жили евреи?
- Жили. А как же? Жили, и много жило. Я не знаю полностью сколько было тысяч здесь, сколько, там, населения, но жили. Жили, все жили мирно, хорошо. Очень все дружили и все. И просто была нормальная жизнь до войны.

– А чем занимались евреи?

– Кто чем. Знаете, были и в магазинах, работали. В ларечках работали, продавали хлеб. И керосин продавали. Здесь был район... это... район, так было, знаете, хорошее место было. Очень хорошо. Жили мирно, никто не ругался, все уважали друг друга. Все. В магазинах в основном... Ну а так, мужчины работали, а женщины то детей воспитывали, то... вот так жили, как... как и сейчас вот.

– А Вы их знали? Были знакомы?

– Ну, конечно. Знала многих. И после войны встретились даже с ними. После войны встретились. Это, вот... в основном после войны встретились мы... это вот... такой Авраам. Фамилию его я не знаю, Вы знаете... как его фамилия. Он удрал. Тогда расстреливали, а он убежал. И после войны вернулся, а потом жил в Бобруйске. Вот... в Бобруйске жил. Ну и так многих знала. А... ну их посто...

– А фамилии помните?

– Фамилии... я только помню девочку, которую... Мария Малыкина. Я с ней училась, сидела за одной партой. Мария Малыкина была. Вот я пятом классе перешла сюда и... и мы с ней учились, сидели. Ну а так фамилии... фамилии я, это... ну вот кого я еще, вот, знала. Хэйл такой, уехал в Америку он. Рая – его жена. Жена. Мы были с ней в Германии, с Раей. Но она просила меня очень: «Не говори, что я еврейка. Не говори». А зачем мне говорить это все? Мы так дружили, и я их всех знаю. Вот. И Роман был такой, это вот... ну знала таких вот много. Знаете, а фамилии почему-то я, это... не очень знаю фамилии. Так вот имена и...

– А как изменилась жизнь, когда началась война?

– Жизнь очень была трудная, когда началась война. Знаете, война была: кто как мог спасался. Они же, немцы, не жалели никого. Они подряд... они как влетели сюда в эту деревню, на мотоциклах. Ну, и били тут коров, свиней, людей швыряли. Они делали не известно что. Вот. А потом

каратели пришли. В черной одежде такие. На этом... сюда вот, на воротничках такие какие-то черепа были, такие вот как... ну как безглазые какие-то. Такие... и все, издевались над людьми, гоняли туда-сюда, расстреливали, узнавали партизан: кто партизан. Все стали, знаете, уходить кто куда: кто в лес, кто в партизаны, кто тихо сидели. Эвакуировали, потом начали расстреливать понемногу. Партизанские семьи убивали. Вот на наше кладбище, сюда вот, напротив ресторана много расстреляно... это расстреляно много этих... партизанских семей. И вот одного партизана привезли... привезли сюда. Здоровый такой мужчина. Такой... Они раздевали догола. Мы бегали потому, что моей подруги, Шуры, маму забрали, так как партизан их отец. Забрали ее под расстрел. Ну так, дед ходил. Дед такой молящий, ходил, попросил, что: «Сходите соберите подписи в деревне, что он ничего не делал.». Ну так ходили. Люди все подписали, что нормальный, все. Так вот мы бегали смотреть кого привозят и... и Шура эта маму свою смотрела. Так мы бегали поэтому. И вот этих партизан, знаете, раздевали догола и читали что-то по-немецки, приговор какой-то. А этот страшно был, знаете, как они сразу ставили их возле ямы. Возле ямы становятся, потом уже стреляют и они падают. А он – бежать. Смерть страшна, знаете? Или уже на дороге, или возле ямы. И забежал сюда, к Лёгкому, сюда, вот... это... во двор туда. А они следом обстреляли. Ему пятку прострелили, но не попали. И он забежал и, представьте, какой здоровый такой... корыто, в котором поили коров, так он под это корыто спрятался. И они искали. Искали уже где. И не нашли. Так этот... это... немец говорит: «Шизон, спалить весь двор.». Спалить. Ну так семья стала просить, дети, все люди: «Не надо все! Сгорим! Пан не нужно! Пан не нужно!». А он все равно это... так он взял и вылез из-под корыта сам, чтобы не сгубили, это, всех. Так они его привязали... лошадь у них была... так они привязали за веревку, за ногу веревку и его тянули к кладбищу. Лошадь эта шла и... и его тянули такого.

И били как могли. Чем били... ну притянули к той яме и все. Тут четыре ямы больших партизанских семей лежит. Вот. Вот такое было, когда они пришли. Был ужас.

– А вот Вы видели как его... как его... как он бежал, как...

– Все видела. Нас детей, знаете, как-то они еще не очень сначала трогали. Немцы. Так мы такие любопытные были, знаете. Немного бегали, это, смотреть. Да и во-первых, это уже Шурина маму расстрелять, так мы бегали это вот смотреть. Видела я все. Все это видела. Это на моих глазах. Я хорошо помню, я же уйду в тот мир. Я же не могу неправду сказать. Я только должна правду. Я очень верю в Бога. Да.

– А когда Вы говорите, что его догола раздели, голы... голы...

– Так всех раздевали они, когда...

– Я понимаю. Но они нижние брюки оставляли?

– Ничего.

– Просто голые?

– Да.

– Просто...

– Просто вот одежда, даже приходили люди, приезжали из деревень Пружинищи, там, Ваганищи. Были ушли в партизаны муж... мужчины. Ужас стал такой, знаете. Так они ушли в партизаны, а люди в деревне всякие. Кто и зло кому-то делал. Доказывали: их приезжали, в машину... машина вот такая вот, открывается и закрывается брезент. Туда грузовая... и туда их... и сюда на кладбище. А одежда лежала, так узнавали по одежде. Отец мой пошел и узнал двоюродную сестру по переднику. Такие были тканые, самотканые передники до войны. И лежал этот передник, и узнали, что ее расстреляли. Вот так что они делали. Вот, что они делали. Они узнавали где партийцы. Они узнавали где вот была у нас эта... такая Феня, учительница. Русакова. Так она билет совой положила под это вот... пятку в туфле. И носила его там. Она мне

показывала его. Вот. «Если меня, - говорит, - расстреляют...». Вот это, показывала. Как кто мог, знаете, такое было страшное время. Уходили вон в луг, уходили в леса, партизаны. Причем партизаны? Партизаны очень много помогли фронту, всем помогли. Вот. Потому что они, вот, собирают... вот нас, например, везли в Германию, так они уже засели. Там деревня Дrajня и стреляли по ним, чтобы... ну как, машины эти остановились. Все. Как могли люди спасались. Трудно было жить, они не уважали. Они поели животных: коровы все, куры, свиньи... убивали... и все, и все. Ничего не давали. Потом...

– А вернемся... сейчас не забудьте, что Вы... что Вы хотели сказать.

Вернемся к этому партизану. А Вы его знали этого партизана?

– Не знала откуда и что. Большой мужчина, здоровый такой. Никто не рассказал нам. Уже никто не допытывался, знаете, ужас был такой то. Не знали вообще. Много людей, сколько тут расстреляли. Никто не знает. Это всех русских расстреливали. Евреев они сначала не трогали. Нет. Только пришили им вот такие вот, знаете, сюда... какие-то, вот, коричневую, красную нашивку такую. И спереди, и сзади. Вот. И все. И говорили «ют» Они. Все. Они не трогали. Жили евреи эти, но некоторые... или они были знали. Они ушли, уехали кто куда. Вот, они спаслись. А остальные жили спокойно. Никто не думал, что они такое будут делать. Кто думал? Никто. Что они такое будут делать, это... ну они расстреливали всех. Потом они стали выгонять, вот тут в деревне поселились, комендатура была. Вот, где я жила раньше, до войны, они же сожгли тот дом, потому что там комендатура была. И они, все, когда отступали, они сожгли все это. А мы ушли на луг, потому что они начали расстреливать людей. И мы, вот тут вот речка у нас Березина, и мы туда, за речку переехали все. Мужчины поехали, сделали там кураны. такие, знаете, из сена... вот такие. И жили там.

– Это в конце войны или в начале войны?

– Это, Вы знаете, было в сорок первом году. Двадцать второе июня началась война.

– Ну.

– Я была в Бобруйске, с отцом продавала корову. Продавали. И в Бобруйске меня застала война. Но мы оттуда приехали. В первый день не могли потому, что пароходом... это, так пароход стали бомбить по пароходу. Они же фугасками, они знали. Вы знаете, я так понимаю, что было что-то продано. Они знали, где бомбить. Они знали аэродром у нас был. Там вот в Козловке. Они по аэродрому фугасками какими-то... что они, вот, горели прямо на земле. Вот. Они знали все. Наверное, что-то было продано, потому что они знали, где бомбить. В Бобруйске они бомбили железную дорогу, военкомат весь. Вот. А потом на второй день мы уже приехали сюда уже. Ужас тут, ужас. А в Бобруйске они, вот, объявили... такое черное радио стояло на базаре, такое вот круглое. Такое. И мы в четыре часа... мы с отцом только продали корову. Продали корову и уже хрипло так радио говорит: «Война! Немцы!». Через, наверное, часа четыре мотоциклы были уже здесь. Были здесь мотоциклы. На мотоциклах они ехали, как фраеры, стреляли куда они хотели. Вот так. А мы продали корову, отец говорит, что, как объявили войну, «Побежали, дочка, в магазин. Хоть купим спички. Я, - говорит, - водки возьму, потому что сейчас все снимут. Все, не будет в магазинах ничего.». Точно так и было. Мы купили ведро и с отцом нам там набрали колбасы в ведро и хлеба, и все отец купил. Были такие четвертушки, до войны такие вот. Соточки. И все, и пошли к пароходу. И уже садиться... пароход пришел, причалил, но сесть мы не могли, потому что они бомбили. Все это в Бобруйске, всю пристань эту. И мы остались ночевать. Отчалил пароход. И мы остались тут, возле пристани ночевать. И тут близко железная дорога. Они всю ночь бомбили. Гремел весь Бобруйск там. Вот. Вот такое было. Потом мы на второй день приехали уже на пароходе, потому что иначе не было как,

транспорт никакой не ходил. Дорог этих не было. Была такая дорога из булыжника, плохая. Вот. И мы приехали сюда и тут вот скитались. На лугу мы жили шесть недель. В куранях. Потом немцы пришли из Пекалич, осмотрели... и пришли из Пекалич и говорят: «Или раус» - в деревню всех выгоняли. Вот. - «Или сейчас всех постреляем.». ну всех и погнали. А мы остались там. Отец говорит: «Останемся и перейдем. Переплывем и пойдем в деревню назад. Не будем в Пекаличи. Там спялят. Там, -говорит, - погонят и спялят.». мы переночевали ночь и пошли назад. Но трех... три мужчины там не согласились. Вот, Русаков Иван... этот... Гошка... Григорий. И этот... Петро Митрохович. И их, утром они приехали, и там же расстреляли в лог.

– Немцы?

– Немцы. Партизан и их ниц расстреляли, потому что...

– А откуда Вы это знаете?

– Так я же на луге там была. Мы утром уже ночевали и нам нужно перебираться, ехать и уже «гергечут» немцы. Отец говорит, чтобы быстрее, быстрее к реке. Вот. И потом, мы там пока просили лодку, чтобы нам пригнали, так мы, это, сидели и... и выстрелы. И собаки лаяли. Вот. И там была с ними (после узнали), эта, переводчица. Она жила в Паричах тут. Как ее... Клек... или как была фамилия... Отец говорит: «Мужчин нет.». И потом они утихли, больше людей не было. Было тихо и тихо, а лодку никто нам еще не пригнал. Мы сидели там, в лог там. Там, в траве этой. А потом, мы уже, это, отец говорит: «Тут недалеко. Мы сходим, - говорит. – Посмотрим». И пошел и сказал: «Мужчин ниц». Так их бросили в лог, в воду и сюда, в затылок и их... и убили. Но еще, говорит, подошел к Русакову Ивану и так ногой, говорит, еще двигал так. Поэтому мы знали. Потом, когда мы в деревню уже перебрались, пришли... ну так уже это... сказали этой жене Русаковой Евдокии, что, вот и тут жили же все бабы эти. Сказали, что расстреляли ваших мужчин. Но никто не давал их

забрать оттуда. Никто. Немцы о-го. Это партизаны – это не надо. И они там лежали, ну, наверное, месяцев девять. Потом эта женщина чистила там картошку на кухне у этого... ну, у немцев. Гоняли же работать. Так она чистила и попросила. Комендант пришел обедать. Так она говорит: «Разрешите мне забрать мужа.». Так он сказал... дал шесть патрулей с автоматами и «только одного возьмешь его». А они уже замерзли. Уже было, знаете, зима наступала. Так они там во льду. Они их высекали топором. Так обсекли его, он посередине лежал. Ну и в деревню не разрешили привезти. Все немцы стояли. Выкопали ямку. Так она досками обложила и положила ему одежду и похоронила его тут на нашем кладбище. Вот. Потому что... а почему я знаю? Потому что я ездила показать, где это. Там же не найдешь, луг большой через речку. Так меня взяли, сани такие, лошадь и все, и поехали.

– Но они не были партизанами, эти трое?

– Нет, нет. Они были такие как мы все, просто прятались от немцев кто куда. Вот такие они... они не были еще партизанами. Они были просто. Нельзя было никуда уйти на фронт, нельзя было уйти в партизаны. Не найти никого. Знаете как это? Как это найти где кого. Никого, потому что все же они охватили. Они же летели Бог знает куда. Им было все. Преград не было нигде. Почему это так было, не известно. Мужчины все удивлялись как продано было, как что-то, что это такое?.. или не готовы были к войне. Они же налетели обманом, понимаете?

– А вот Вы говорите, что здесь на кладбище очень много похоронено партизанских семей.

– Да.

– Откуда немцы знали, кто какая семья, какая партизанская?

– Ну я Вам говорю, что в деревне, вот, кто-то на кого-то злой, они сказали: «Ее мужик в партизанах». Они же караулили. Они же стояли, где еду несли, где что. И вот они забирали. Забирали. У нас, например, в деревне

они не брали таких никого. Только одну вот эту вот Шурину маму, Машу эту. Забрали, потому что был Гришка в партизанах.

– А что сделали с Шуриной мамой?

– Ну сидела она, к расстрелу готовили. Их возили, тут в Паричах была у них комната такая, где закрывали они этих людей. И вот они... но ее не расстреляли. Дед ходил, принес коменданту подписи всей деревни. Все подписали люди. И он сказал... сколько жителей проверили приехали и подписи. И они выпустили ее. И подписали, что он не в партизанах. А он был, он ходил сюда к ней, домой к семье. Вот.

– А Вы говорили, что евреев сначала не трогали, а потом с ними что-то случилось. Что случилось?

– Они... потом они начали на них, я же Вам говорю, нашили эти вот... а потом уже они в... это в сорок четвертом... или это... семнадцатое, по-моему, октября они их расстреливать уже начали. Да, по-моему, так. Я вот хорошо этот месяц как-то вот путаю. По-моему, семнадцатое октября, потому что осень была. Уже выкопали картошку, копали. И их начали расстреливать. Они, знаете, они к ним подошли, позвали их как на собрание. Вот. У нас была гостиница большая в Паричах. Район же тут был. Гостиница была большая, двор большой был, красивый. И они их туда сог... созвали, как на... Но умные какие-то или им Богом дано остаться жить или как-то. Они вот, как Авраам, эти. Вот. И они спрятались. Он, Авраам, мне рассказывал после войны, что: «Я залез на чердак. И там спрятался.» А почему я Авраама хорошо знала? Потому что у него была жена, Малка ее звали. Так она шила хорошо. И я у нее... отец всегда ее... они держали коз, там что-то... так сено возил им. Так она нам шила уже. Завезет отец сено – она бесплатно шила. Так вот я и хорошо эту семью знала. И детей этих знала, потому что я... учились... зайду со школы, они поставят поесть. Покормит всегда мама ее. И все. Она и ко мне приходила. Мы так дружили. Вообще наши дружили люди вокруг и с

евреями. Они ничего не наносили никому зла. Они ничего... они были дружные, они помогали. И как они могли достать. Было где-то что-то достанут и дадут, и продадут. И все, вот так вот жили вот. И вот. А потом они согнали на эту соб...

– А Вы видели как согнали?

– да. Они их согнали туда, но никто не знал... как собрание.

– А как получилось, что Вы там оказались?

– Ну знаете, мы же ходили, это, еще вот сюда-туда. Я пошла к этой Малыкиной Марии. Потом отец... за хлебом ходили мы всегда в Паричи. До войны хлеб бы прикреплен к ларькам. Знаете? До войны хлеба не было, чтобы прийти и купить. А вот мы были к этой Стысе... Стыся была такая еврейка. Она торговала, отец тоже. Она коз держала. Возил тоже сено ей. Так она давала... давали два килограмма на семью хлеба. Пекарня у нас была своя и пекли. И вот булки были больше, чем два килограмма. Так вот она всегда отрезала рожки такие вот, что уже... так она всегда отрезает рожков, я иду со школы, она: «Ой, Дашенька, возьми вот этот вот хлеб», упакует мне или в какую марлю, или в пакет. «И вот булка вашего хлеба. Распишись». И расписывались в этом. Вот. Поэтому вот я знала, я часто ходила в Паричи. Я ходила до войны в школу, я знала уже все места такие. Особенно вот, гостиница была возле центра, так... так что их согнали всех. А стали собирать, а я как раз была у этой Малыкиной Марии. Все гонят.. это все... а он говорит этот немец: «Русиш?» - на меня. И палкой меня выгнал. И я... а их... пошли на то. На то собрание. Потом, когда они уже поняли, когда их, это, мужчин отобрали, здоровых, сильных и повезли отдельно сюда вот, где они расстреляны. А почему они повезли? Капали они себе ямы. Вот. И мне рассказала Лейка Пинкина. Она же осталась жива, с ямы встала. И к нам в три часа ночи пришла, так она рассказала все и говорит: «Вот я, - говорит, - все. Видела это все.». так это... они капали сами себе ямы. И когда семьи привозили их, так они бросали

копать и ложились вместе. Вот. Вот как они делали это все. И здесь четыре ямы.

– Когда... когда их собирали на этой... возле гостиницы. Возле гостиницы когда их собирали, да?

– Да, машины подъезжали, их грузили.

– Вы видели как их собирали?

– Вот это я не видела, как их забирали. А уже видела... я уже домой пришла, потому что он сказал, тот, Раус... русский. Да? Я пришла домой. А жили мы вот там на... возле шоссе дом был наш. И уже, это, начали их возить на машинах, таких накрытых. туда грузили и брезенты эти.

Брезентные машины эти. И все, и вот они уже знали, что их везут. Они матали всем людям и как, но отец не разрешал выходить из двора никому. Всех не было людей. Это было страшно. Отец не разрешал никуда выходить, но мы в окно уже видели. И вот когда, это... уже их ц... я Вам говорю, их начали где-то часов в одиннадцать... так вот согнали уже они были. Я пришла уже домой, хлеб принесла, этот... и пришла домой, и уже начали их возить. Отец говорит: «Уже страшно становится. Видишь, что происходит, девочка?». Ну и мы смотрели. Их возили. А туман был такой, это осень была. Туман такой. Но их возили очень много, а потом последних, их гнали пешком. Вот. Потому что Пинькова Лейка рассказала, что ее уже гнали. Вот. Ну вот и все, и вот так стреляли все... лазили мужчины, люди, которые на чердаке... ну, видно было туда. Там не было еще кустарника, там были просто... ну так, кто узнавали это так. Потом приходи Яков, такой был. Ему разрешено было, ну, ездить в поля. Там пахали, потому что... они же сделали, немцы, такую... ну, как бригаду. Десять человек, одна лошадь. «Сажайте картошку, сажайте.» вот по очереди и брали. То по очереди там была земля, сажали там, ходили, убирали кто что мог. Так вот видели люди много, но уже я их не видела, как расстреливали их. Только мне Пинькова Лейка рассказала, которая

живая осталась, она сказала, что, говорит: «Уже нашу яму (как она сказала последнюю) им, наверное, надоело стрелять. Или они устали, или для них страх, - говорит, - уже начался. Они уже просто «Ложитесь живые и так вот стреляли.». Ну так, уже в ямы. Так вот она попала.. сверху было пальто коричневое. Она пришла в нем, в этом пальто. И они ей прострелили левую руку. Только ей попало в руку. И вот она не могла. И говорила, что: «Когда я лежала, - говорит, - Кузьма... - отцу моему рассказывала.». мы уже встали, и отец говорит: «Вставай. Поведем ее». Она сказала: «Я ночевать не буду тут». Она уже боялась ужас этот. И это... так она говорила так, ну: «Я, - говорит, - колыхалась вся.». Ну она поднялась, говорит: «Куда мне больше идти, Кузьма, я знала, что ты добрый человек. Я знала, что ты, ну, не предашь никогда.». И она пришла в три часа ночи. А зажечь свет нельзя – немцы. Попробуйте свет ночью зажечь. Никто не зажигал. Никогда не разрешали. Ну так, так уже там залезли в погреб, обмыли эту руку, полотенцем ей перевязали. Она: «Кузьма...- Она вся тряслась. – Вы меня доведите до Моисеевского шоссе.». Там были березы. «Я знаю очень хорошо дорогу до Ковчиц. Мне бы добраться до Ковчиц.». Она жила там, в Ковчицах немного. «И я там... там железная дорога, может, проходила и я там уйду. Я уеду. Я все знаю». Ну и она осталась жить. Видите, уехала она, но мы ее повели. Отец не пошел, «отец партизан» будут кричать. Мужчину сразу убьют. А мы повели ее в конце деревни там. Через...

– Ночью? Ночью?

– А как же? Да. Перевязали ей руку, дали ей поесть с собой. Отец дал ей спички на всякий случай. «Пусть будут у тебя.» - говорит. «Возьми, вот.» - говорит. Ну что... что могли там, я не помню хорошо, что давали ей. И все. Когда она пришла с войны, она сразу пришла к нам. Отец мой уже умер, потому что отца из фронта больного забрали в сорок шестом году. Он там простыл, заболел и его копали окопы они. Это... у наших уже. Так

это... его отправили домой. И в сорок шестом году, одиннадцатое февраля умер.

– В сорок шестом?

– Да.

– А какие окопы он копал в сорок шестом?

– Ну, в сорок шестом он умер. Одиннадцатое февраля. А отправили его... он болел. Воспаление было двухстороннее. И они вдвоем, двое мужчин из деревни Митрохович Трофим и он, их отправили вот домой. Они под Ленинградом копали окопы. Они была обозники. Вот. Ну, отец это рассказывал, когда пришел уже. А меня уже, это, после... тогда забрали в Германию.

– Закончите, пожалуйста, Лейка, когда вернулась после войны...

– Ну она пришла к нам, рассказала все. Как она дошла до Мощнов. Она зашла в Ковчицах к бабке к одной знакомой на окраине. Она там у нее еще была сутки. А потом та бабка так как-то корзинку взяла. Ну, как-то, в общем, с ней... она ее довела туда до Мощнов, до Сковчиц, до железной дороги. Она потом села, и она добралась. Она была в Астрахане, говорила. Она где-то к партизанам добралась. Вот и она смогла остаться, к нашим перешла. И вот она стала жить. Она пришла после войны. Она молоко брала у нас. Мы с ней дружили хорошо.

– Она здесь жила после войны?

– А как же! А как же! На рогу все, вон там идти в наш Совет. В горсовет в Паричи. И на углу там живет другая семья, купили дом ее и все.

– А, вот, кроме Лейки кто... кто-нибудь еще спасся?

– А вот после... это вот, когда брали... это остался Авраам, это, живой. Он потом не жил уже тут, а жил в Бобруйске. Там жил. Ну, я всегда, вот, ездила в Бобруйск, уже и дети у меня были, и он как увидит: «Даша, тебе, может, что нужно. И что тебе...». Все, вот так и обращались. Потом, Хейл

такой, Руман был. Эти все остались мужчины. Вот. А семьи их расстреляли.

– А Что Лейка рассказывала? Кто стрелял?

– Она же... она сказала. Отец у нее спрашивал. «Может, - говорит, - какие-то добровольцы». Может, говорит, какие... Она... - «И их Кузьма, если можно узнать, все в немецкой одежде. Мне было...ну, в основном, - говорит: «Знаю, что немцы из автоматов стреляли». Вот. Вот.

– Когда Вы видели, что едут вот эти машины грузовики, которые везли евреев на место расстрела, какое расстояние было от Вашего дома до... до этой дороги, скажем так?

– Ну вот расстояние... вот как Вы ехали по шоссе, и, вот, как Вы сюда ехали, по левой стороне стоят дома: с одной стороны и со второй. Это, наверное, ну, метров шесть. Метров пять, может. Вот мы посмотрим с Вами, когда это вот...

– Ясно.

– Я Вам покажу.

– Вы могли видеть людей в машинах?

– Ой, конечно! Ну как же! И Вы вот будете видеть на шоссе, вот выедем сюда, выедем и я Вам покажу. И будут машины ехать. Даже узнаете человека. Если он вот это...

– Так Вы знали, что это евреев везут.

– Ну так все знали. Все люди знали, не одна я. Все знали люди, что идет расстрел евреев. Все спрятались, все смотрели из домов. А что делать? Ничто, не поможет никто.

– А сколько было машин, примерно?

– Вот знаете, машин я точно не знаю сколько. Их считали... а сколько... десять мы насчитали, а больше я не знаю. Но еще шли. И пешком гнали. Последние шли пешком или у них не было уже на чем возить, или что они гнали. Шли патрули, шли все. Вот все смотрели.

- А в этих машинах охрана была какая-нибудь?
- Сидели немцы. Сидели немцы. Вы знаете, так как машина грузовая, так вот борты задние эти вот... так они на этих вот, сзади сидели, с одной стороны и со второй немец и автомат.
- Какого цвета униформа была у немцев?
- Что было?
- Цвета униформа. Униформа у немцев какого цвета была?
- У них была и черная. И черная была, и такая какая-то зеленоватая. Вот. В основном, сидели в этой вот... один в черной, второй в зеленой. Вот это вот так вот сидели они. Вот борты эти, один сидит с краю и второй, и автоматы. И все.
- Один черный, один зеленый?
- Черная одежда и... и такая зеленоватая какая-то одежда. Вот такая вот.
- Какое было расстояние между этой... отелем этим и местом, где их расстреливали?
- От нас?
- От отеля... от отеля, ну...
- От гостиницы той?
- Да.
- Ой, Вы знаете, это вот от Парич и вот где вот эти вот кладбища. Это будет, знаете, больше километра. Так вот... ну, полтора, это точно будет. Потому что от гостиницы и до туда, где они расстреливали, это будет полтора километра. Это за нашим кладбищем, там... и вот.
- Как называется это место, где их расстреляли? Есть имя какое-нибудь у этого места?
- Там когда-то урочище, это сеяли старые люди, это они называли... он назывался Зайцев Рог. Ну, там... а почему он назывался так, то я не знаю. Зайцев Рог, вот. Там оно к лугу было, такое, знаете, как это вот такое, Зайцев Рог называлось. Вот это урочище называлось. Там...

– А Вы... А Вы могли слышать выстрелы?

– Вот нет. Это... это только, ну, только такой какой-то гам. Какой-то, вот, знаете, шум такой. Выстрелы... Отец покойный говорил, что они, когда на чердак лазили, то они там, говорит, больше слышно было. а снизу не так. Вот. Во-первых, боялись все. Вы знаете, это был такой ужас. Это было... ну не известно, потому что знали, что если их – и нас так будет. Все сидели по домам. Все, кто куда. Вот. Они лишь бы только нашли эти этих мужчин партизан и все. И сейчас же за воротник и... и кто считался?

– А Вы видели... Скажите, пожалуйста, Вы видели как эти машины возвращались обратно?

– Да. Да, они выгружали и опять, а вот сколько их было всех тех машин, это знаете... потому что они везут туда и потом едут опять пустые. Вот.

– А после этого расстрела Вы ходили в это место посмотреть, эти ямы посмотреть?

– Не разрешали нам родители. Мой отец не разрешил нам ходить, но по рассказам этого бригадира, они их, мне Лейка сказала тогда, что они даже их яму не прикопали хорошо, потому что они или устали, или им надоело, она так говорит, стрелять. А потом они приехали и еще присыпали их. Вот. Перед этим, когда, это... меня забрать в Германию, вот. Или они знали, что они проиграли войну. Так мужчины рассуждали. Или они, это, что... они, отец говорил, приехал этот Яков, бригадир, и они там пахали. И он говорит, что: «Что-то приехали немцы и привезли, - говорит, - бочки туда. И бочки, - говорит, - с бензином.». И они вск... сгребли землю так.. этот бригадир Митрохович Яков это сказал. Что говорит, и лили туда, а потом такое пламя было. Горело это все. Ну такой был черный дым. Все вышли, все смотрели люди, но боялись, никто не шел туда. А потом они бригадиру сказали что собрать и машины дали. И собирали немного людей, но люди попрятались. Там совсем мало было. Ну, они и сами... Ну они развозили кости эти, прах по этому полю. Потому что ходили после,

когда они развезли, и они ходили собирали кто... кто зубы золотые, кто браслеты были приносили. Но нас отец не пустил туда, я туда не ходила. Это... но а люди ходили туда. И еще долго, закончилась война, пахали, так находили много чего золотого. И кре... такие вот типа, как фигурки какие-то вот такие золотые. Ну, нам не разрешали брать такое. Это, говорят, смертельно нельзя. Потому что мы верили в Бога, мы такое боялись. Это вот. «Ну а они чувствовали скрыть свои следы.» - Вот так отец говорил. И тот бригадир Яков: «Вот, - говорит, - Кузьма, чтобы скрыть свое и не видели... вскрыли бы ямы те, как пришли из войны, так не было ничего.».

Потому что они сожгли, все рассыпали. Вот, вот так. И меня уже тогда забрали, по-моему, в сорок четвертом году. Да, в апреле... в апреле перед пасхой. Уже все, отец говорит: «Собрание. Какое-то собрание в деревне. Там, в конце деревни.».

И все семьи вели детей, никто же не знал их, что они скажут, так как и евреев. И нас согнали. Мы пришли на то собрание и они, это... детей привезли, стояли такие вот брички-лошадки, такие толстые ноги, короткие хвосты. И такие вот брички возле... зеленые такие как коломаги, коломажки ... и вот, они вышли так вот по детям, и за руку раз – и меня от отца. Это... в сторону, в сторону. Еще в сторону. И нас из деревни пять человек, пять детей таких было, что они... и в эти, это, вкинули и все, и повезли, никого не спрашивают. И повезли сюда, в Паричи. Тут была Паричская школа деревянная такая. Большой двор, большая деревянная школа. Они нас завезли в этот двор и выкинули. И все. А потом везут и машинами, и всем. И тут было нас три тысячи детей. Стояла охрана, автоматы. Никуда не пускали нас. Мы сидели трое суток. Но мальчишки были, они подростки, старшие. Они подкопали где-то там под фундамент и убежали. К людям во дворы было же эта школа, а там огороды. И они смогли, а потом немцы заметили и все это. Потом подогнали к нам машины. Подходили и грузили нас как животных, детей. Никто не смотрел. Вот швыряли в машины. Очень много машин нас

повезло в... а куда везли, кто знал? Они же не пускали никого: не родителей, никого. Вот. И нас... мы поехали, из нашей деревни четыре человека. Нас забрали. Два мальчишки и мы с Сашей были. Вот два эти живые еще: Мишка и, этот, Петя живой и я живая осталась из тех, кто в Германии. Одна умерла, Саша умерла. Которая... она уже сюда приехала. Но мы живые из Германии приехали. И потом они, это, доехали...

– А эта еврейка, которую Вы говорили... Еврейка, которая была с Вами в Германии.

– Рая? Раю я же тогда еще Раю знала так, но там нельзя, такая толкучка, найти кого-то. А когда...

– А, ясно. Ну хорошо.

– А когда...

– Ну рассказывайте дальше.

– А когда нас везли в Германию, стали прыгать кто возле деревни Дrajня. Там, Боровая. Там лесок, мальчишки начали прыгать. Была рожь. Уже, знаете, озимая рожь она была уже такая, большая, которая с зимы, потому что весной нас же уже брали. Ну, они стреляли по ним. Ну я в последствии о них не знаю, потому что мы не знали откуда эти дети, куда. Ну и привезли нас, довели до Марьиной Горки, Пуховичи, тут вот перед Минском где-то. Марьиная Горка. И стали бомбить, откуда стали бомбить Минск, Пуховичи, все?! Сообщили партизаны, что везут детей и все. И нас выгрузили, согнали в какой-то сарай в Пуховичах, в Марьиной Горке. В сарай. Там хранилась треста и лен, там такое что-то. Дырявая такая крыша. И нас закрыли наглухо там. И стояли патрули. Стояли патрули. И вот как-то мне встретилась в... стояли, хоть бы сесть, хоть бы, знаете как... стояли столбами. Нас столько набили туда. И я так стою и слышу кто-то говорит: «Дети, вы безгрешные. Молитесь, просите Бога, чтоб нас не ра... не сожгли.». Я так отвернулась: батюшка с матушкой попали туда. Откуда вот, они из Минска. Вот. Из Борисова были. Везде... откуда

вывозили этих детей. Эвакуированы люди были все. И вот они, это... оказывается, батюшка был ближе к стене и видел, что привезли бочки с бензином, нас сжечь. Вот. А потом утром мы дождались утра, раскрываются двери. Такой большой немец и такой орел у него, висит такой вот блестящий белый. «Раус!». Я вот запомнила это «Раус!». И нас стали выгонять. И нас гнали пешком до железных путей. Мы шли. Ну, конечно, остались дети, которые слабые, а которые просят, так снимали кофты. Маленькие такие клали и вот так несли в толпе. Колонна большая шла. Ну и пригнали к железной дороге. И там нас погрузили в товарняки. Товарняки – красные такие вагоны, солома там, кора из деревьев... ну, всякое такое, грязные вагоны. Ну и мы же что. Сидели мы подчиненные, мы... нас никуда не пускали, два немца. Двери открытые, один с одной стороны, второй – с этой. Бочки поставили. Отправляться. Вот. Никто не давал не воды, не еды, ничего. Мы сидели сутки, не отправлялись. А потом нас отправили. Отправили. А куда везут, мы не знаем куда. Никто не знает. И все. Где-то куда-то привезли и стали нам давать по сто грамм хлеба и какой-то не то жир... ну в общем, что-то такое. Кому досталась, кому не досталась эта еда. А потом нас привезли в Фаль... в Фаль... в Фалькинбург, какой-то такой лагерь. И в том Фалькенбурге нас выгрузили и стали рассортировывать: мальчиков отдельно, девочек отдельно. И нас привезли в лагерь. Там сделан дощатый лагерь, трехэтажные нары такие вот, никакой постели, ничего. Кто мог что подослать: свой пиджачок, кофту. Ну и потом уже оказалось приходит какой-то... или он переводчик, или он русский, но в общем, по-русски разговаривал. И говорит: «Вот, вы будете здесь сидеть. Я подам свисток-команду и пойдете суп получать.». Мы как пошли тот суп получать, толпа такая. Тот суп кто взял, кто не взял. Ну и мы там пробыли, может, недели три. Потом говорят: «Все стройтесь! Стройтесь!» и проверяют. Приехали врачи, немецкие врачи. На чесотку, на все проверять. И когда мы туда уже шли, вот это... а когда мы там уже

жили, то идешь уже за тем супом, сидел лагерьфюр. Это говорили, что он начальник лагеря, этот лагерьфюр. И заставляли нас... идешь за супом и заставляли «Хай гитлер». Вот. А я как-то шла и думаю: возьму и не буду поднимать руку. А почему «Хай гитлер»? Убивают детей, все... все делают. Так вот у меня вот тут шрам есть большой на спине. Он меня как ударил железным каким-то прутом или чем-то. Ну я и упала на этом трапе на все. Оказывается, что мы шли, гнали. Уже подошли туда, а они брали кровь детей. Вот когда показали кино «Шесть часов вечера после войны»... его показывали несколько раз, это был наш лагерь. Я его смотрела много раз. Это кино, оно где-то есть, это, с самой войны его показывали. «Шесть часов вечера после войны». Там показали весь лагерь этот. А потом этот Мишка говорит, что: «Давайте посмотрим, что это там делают все в белых халатах». И в лесу ямы выкопаны. Там бор такой. Мишка этот туда-сюда, эти мальчишки пока двигали это все туда, и говорит... А мы туда подошли, а они лежат дети. И брали кровь до последнего. А потом их в яму возили. Вот так. И там их сожгли. Эти мальчишки говорят: «Давайте убежим в лес? Пойдем, там же среди леса лагерь». И больше не было ничего. И мы пошли. Вот четверо нас. Мы пошли в лес. Вот живые два мальчишки эти и я. А куда пошли, мы вообще не знаем. Мы пришли, уже темнеть начало. И мы ночевали в лесу под соснами. Тепло было. Потом и заснули. Просыпаемся утром, рыжие косули вокруг нас. Это вот так. А куда идти? А куда откуда мы шли, мы же уже вообще не знаем это. Так мы пошли и пришли к границе. Немецкая граница. И они... а этот Мишка говорит: «надо руку поднима... руки поднимать, что сдаемся или что-то, иначе нас сейчас застрелят». Мы пришли к границе. Они нас забрали, расспросили, а мы не сказали, что были в этом лагере, обманули, что бомбили, что у хозяйки, что не знаем где... нас опять привезли в этот лагерь. Оказывается, мы не далеко ушли оттуда. Нас опять туда привезли, но уже мало совсем было. Потом

приходили, приезжали хозяева выби... выбирать на работу к себе. вот нас строят под линейку и они, вот, ходят и выбирают. Ну а эта Саша, которая была, она была такая рослая, большая и полная. Так она всегда становилась, это, впереди меня, а сама сзади пригибалась так вот. Вот он подошел и говорит... у меня косы были большие такие. Так этот говорит. А вот уже стала понимать немецкий язык, как там побывала. Так он говорит на хозяйку: «Зо... Зо мэт мэнхэн», как-то сказал. Может, взять меня. Саша стала плакать и говорит, что: «И я.». Я говорю: «Это майна швистэр». Вот. Так он говорит: «Хорошо, будет дворником работать». Ну и забрали нас, и привезли туда к себе, к хозяину. Оказывается, там были у них дети загнанные. Мы потом поняли, что это были какие-то «гитлеровцы». Учились в какой-то... гитлеровская школа была. Потому что там была... были учителя, были учителя и они, это... когда вот завтрак им раздают... мы уже.. нас пригнали туда, работали. Так они: «Хай гитлер». Всегда дети эти. А потом садятся. А мы мыли посуду им, чистили картошку, вот. А когда нас привезли, они все две... открывали двери: «Швайн, русский швайн!». Вот. Ну мы сидели, потому что мы были... никуда. Куда мы пожалуемся или что? Ничего. Сидели, потом стали плакать. Пришли... хозяйка пришла. И говорит... как-то она по-немецки сказала: «Чего вы плачете?». Так мы ей говорим, что, ну, открывают двери, плюют на нас, «свиньи» говорят на нас, «русский «швайн». Вот. Ну, правда, потом они больше не приходили. Ну мы там жили и работали, чистили картошку, в церковь ходили, в костел. Там уже от хозяйки не... потому что там жила баба Резя, девяносто лет. Она хотела в церковь. Так она говорила... чтоб... ну, она не зайдет. Как посадили в коляску и мы ее везли с Сашей. Она сидит, так Саша говорит: «Давай возьмем ее, да ее бегом, да перевернем ее».

– Остановимся сейчас секундочку... Я бы хотела вернуться к Вашему рассказу про расстрел евреев здесь. Скажите, пожалуйста, как долго он длился?

– Вот знаете, в одиннадцать часов утра их уже были согнали. Ну, в гостиницу эту. Где-то в одиннадцать. Вот с одиннадцати часов и уже было темно. Вот. Сколько было точно часов уже, но это было темно. Вот с одиннадцати и, считайте, осенью вот... вот это вот октябрь месяц, когда уже темнеет, вот, начинает и все, они, это, там кричали все еще. Вот. Все это вот длилось столько времени.

– А была ли какая-нибудь местная полиция? Из местных людей?

– Вот Вы знаете, мы же не ходили, не смотрели кто там или что. Мы как мыши сидели, боялись, это, выходить. Кто их знает: кто там из них там был.

– Но и на площади, например, когда собирали евреев, Вы говорили, что были немцы. А вместе с немцами была ли местная полиция? Какие-нибудь местные полицейские? Из местных?

– Что-то я никого не видела. Одни немцы. Это был ужас. Я быстрее домой побежала. Когда им уже сказали в эту гостиницу собираться, я от этой Малыкиной Марийки, я домой быстро побежала. Это вот.

– Ясно. После расстрела, вот, в городке остались еще какие-нибудь евреи?

– После расстрела это же меня уже вот так вот, это забрали в Германию. И я уже вернулась, знаете, после этого.

– Да, но Вас забрали не на следующий день? Через...

– Нет, нет, нет. Не на следующий.

– Так я и спрашиваю последний...

– Уже не было никого. Никого. Потому что они же спрятались. Никого, никого нигде на свете. И нас уже повыгоняли, гоняли. Куда кто убежал. Люди потом бежали кто куда.

- Когда Вас забирали в Германию и, говорили, везли на повозках. Ну, в повозку и увезли? Правильно? Ну с площади?
- Да, да. Из деревни. Это вся деревня видела тогда.
- Хорошо. Кто управлял повозкой?
- Управлял какой-то, это... по-русски разговаривал. Какой-то дядька.
- То есть...
- В немецкой одежде.
- Дядька в немецкой одежде?
- Да. Но а я его не.. мужчина какой-то, знаете, это... немецкая одежда. А я его вообще не знаю кто. Как там, разве я спрашивала или что... мы сидели и все, дети.
- Ну так он управлял лошадей?
- Да.
- А кто вас охранял?
- Немцы.
- В этой повозке?
- Да.
- А сколько было...
- Он сидел. Он сидел с автоматом.
- Сколько немцев сидело в повозке?
- Один сидел, и сзади нас четверо. Пять это... уже одну выкинули. Там обнаружили, что больная она. Так, а нас четверо. Так один немец сидел и один этот дядька лошадей этой управлял.
- Но он был в униформе? Он был в немецкой униформе, этот дядька?
- Нет, был в форме, но какая-то она не блестящая какая-то. Форма немецкая, но не такая чтобы вот как, знаете, как военные, чистая такая, а какая-то это... как рабочая. Как рабочая форма, вот. Просто...
- И он говорил по-русски?

- Да. Потому что он гнал лошадей. Мы сидели, до кладбища доехали. Хотели вылезать убежать мальчишки, все. Так он говорит: «Не убегай, потому что застрелят. Не убегай!». Вот. Он так вот. Поэтому мы знали, что поэтому русский.
- Когда расстреляли евреев, и остались их дома и вещи, что случилось с этими вещами?
- А где вещи? Какие?
- Ну, дома. Вот, знаете, угнали, прогнали евреев из домов, да? А там осталось и посуда, и мебель. Что с этими вещами было?
- Я, Вы знаете... мы боялись уже ходить. Я остальное не знаю. Вот, раз не была, так уже и не знаю это.
- Ясно.
- Что там происходило... что там происходило. Брал ли кто там или что...
- Хорошо. Скажите, Вы говорили, что была еврейка Рая. Рая, да?
- Рая Хейлова.
- Ага. Как она спаслась из этого лагеря?
- Как и мы все дети. Они это... они же проверяли. Если на «р» не выговариваешь, так уже это вот... придирались к этим людям. Вот. И все, мы это... она сказала, что вот мы в школу, мол, ходили, это все. И вот зная это вот, и знают мальчишки эти, наши эти. Так мы говорим: «Она не...». Они говорят: «Ют?». Так они. Так мы говорит: «Нет, нет...». Вот это... это все и все. И так она спаслась. И потом я вот с ними... Они с войны пришли, мы так дружили. Ее муж, Хейл этот был, такой вот... часто говорит: «Ой, Кузьминична, Вам поросенка зарежу и деньги не возьму...». В магазине Рая работала. Приду, так она: «Я Вам так должна и... и до конца жизни должна.»
- То есть она пошла работать где-то?
- Они... они в Америке где-то.
- Да. Да-да. Но интересно, Рая была из Вашего городка? Рая была отсюда?

- В Паричах жила.
- А как она спаслась от расстрела?
- Вот я вот это не знаю, Вы знаете...
- А она ничего не рассказывала?
- Нет, она не объясняла. Она это не объясняла. Она это, знаете, не объясняла.
- Вы говорили, что расстрел длился до ночи?
- Да.
- И что были слышны стоны, звуки какие-то. Вы эти звуки слышали?
- Да. Потому что отец, это, тоже... все же боялись, все не спали. Все не спали, люди в ужасе, потому что ужас был. Вы же не знаете. Немцы не давали...
- Ну Вы слышали эти звуки?
- Да. Дос... все эти разговоры, крики эти их. Или они уже там были пьяные, или они были уже... потому что громкий разговор, страшный был. Вот.
- Спасибо!
- Спасибо большое!
- А так люди боялись, настороженные были, знаете, никто не выходил. Во-первых, при немцах мы же не ходили, чтобы вот так вот можно было свободно.
- Да, да, да. Понимаем. Спасибо!